3. Dictionary of Law. – Peter Collin Publishing, 1995. – 258 p.
4. The All Nations English Dictionary. – Colorado Springs: All Nations, 1990. – 828 p.
5. Англо-русский толковый словарь юридических понятий и категорий англо-американской правовой системы. – М.: Титул, 2003. – 568 с.
6. Энциклопедический юридический словарь. – М.: Инфра-М, 1998. – 790 с.
7. Правовой классификатор и правовой тезаурус в законотворчестве и юридической практике. – Екатеринбург, 1998.
8. Внутренняя форма слова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энц., 1990. – С. 85-86.

С.И.Дубинин*
Самарский государственный университет

Реконструкция функциональной парадигмы немецкого языка позднего средневековья: устные / письменные формы в ареале юго-запада

Sergej Dubinin

Rekonstruktion des Funktionalparadigmas der deutschen Sprache des Spätmittelalters: mündliche / schriftliche Formen im Areal des Südwestens

In dem vorliegenden Artikel werden aktuelle Aspekte der möglichen Rekonstruktion der Sprachformen im deutschen Südwesten um 1450-1600 hinsichlich der Herausbildung der regionalen Variante der Schriftsprache behandelt.

Диатопические изыскания все более успешно используются германистами как методологический прием в исследовании истории немецкого литературного языка в широком контексте языковой и социо-коммуникативной ситуации [1, 48-52]. Особенно продуктивен данный подход в отношении формирующихся территориальных вариантов немецкого литературного языка (далее ТВЛЯ) позднего

* © Дубинин С.И., 2005.

средневековья, в частности на юго-западе – в области «классической» феодально-территориальной и диалектной раздробленности. Здесь были сосредоточены владения австрийских Габсбургов (Передняя Австрия – Оберланд), Швейцарской конфедерации, имперских, вольных и торговых городов, Вюртемберга и Бадена, автономных провинций Эльзаса, церкви и др. Для судеб юго-западного ТВЛЯ, оформившегося в период XV-XVI вв. и утратившего в дальнейшем (XVII в.) свой статус в конкурентной борьбе с ведущими ТВЛЯ, анализ соотношения устных и письменных форм имеет особое значение.

Совокупность различных форм существования немецкого языка (его функциональная парадигма), составляющая основу языковой ситуации, является конкретно-исторической и регионально маркированной категорией. Ее реконструкция в отношении юго-запада немецкой языковой области в период позднего средневековья (XIV-XVI вв.) базируется на многостратной трехуровневой системе (диалект – промежуточные обиходно-разговорные формы – письменно-литературный язык), элементы которой своеобразно реализуются и взаимодействуют в коммуникативных и социо-исторических условиях данного конкретного ареала [2, 62-163]. Их отношения имеют характер взаимодействия, поскольку позднесредневековая письменность фиксировала, например, и некоторые диалектно-разговорные формы, а для эпохи расцвета позднесредневековой городской культуры нехарактерно резкое противопоставление диалектных / обработанных форм.

Территориальные (алеманские) диалекты позднего средневековья, когда основная часть населения Германии проживала в сельской местности в условиях доминирования аграрных отношений, являлись ведущей формой устной коммуникации. Их номенклатура в XV-XVI вв. не полностью совпадала с современным членением, поскольку процессы дифференциации продолжались. Как и для большинства «старых» диалектных зон, для алеманского была характерна значительная дробность. П.Визингер, диатопическая модель верхненемецких диалектов которого общепризнанна, отмечает для современного состояния: «Die Innengliederung des Alemannischen gestaltet sich schwierig, da es einerseits Süd/Nord-Gegensätze durch ständige Abnahme

der Konservativität gibt, zu denen im Norden ein deutlicher, im Süden jedoch weniger ausgeprägter West/Ost-Gegensatz hinzutritt, und andererseits weitreichende Überschneidungen vorliegen» [3, 832].

Современное членение алеманского диалектного континуума, сложившегося именно к XIV – XV вв., базируясь на ареалообразующих факторах, **двухчастно** на основе критерия **убывания консервативных (староалеманских) черт** с юга на север: a. *южно* - b. *северноалеманский*. По этому же критерию *южноалеманский* подразделяется на a1. *верхне-* и a2. *горноалеманский*. Членение инновационного *северноалеманского* осуществляется по критерию «запад ! восток» на b1. *нижнеалеманский* и b2. *швабский*. Как переходный (южная оконечность *швабского*) выделяется b3. *среднеалеманский* диалект. С точки зрения сохранения архаичных черт возможно выделение и переходных зон: *западно-нижнеалеманский* « *южноалеманский*, и *восточно-среднеалеманский* « *верхнеалеманский*[1] [3, 833].

Алеманский диалектный массив граничит на севере с рейнско- и восточнофранкскими, на востоке с баварской диалектными зонами. Протяженность образующей западный и южный рубежи ареала старой романо-немецкой границы меньше длины внутриареальных границ, что не позволяет характеризовать алеманский как пограничную зону. П. Визингер определяет контуры алеманского на основе динамических *фонетико-морфологических* признаков, отвергая в качестве изоглосс *изолексы* [3, 831].

Исторически более стабильной является восточная алемано-баварская диалектная граница по реке Лех, где расхождение изолиний (это 4 изолексы) наблюдается лишь южнее Аугсбурга (рис. 1).

---

[1]Данное членение алеманского не является общепризнанным и имеет варианты (особенно с точки зрения критериев). Проблема состоит «в отсутствии общего признака», поэтому нередка его исходная номенклатура «швабско-алеманский» [4, 34]. Примечательно, что современная диалектная зона юго-запада исследуется в рамках пяти (!) региональных атласов: Sprachatlas der Schweiz, Atlas linquistique et ethnographique de L"Elsace, Südwestdeutscher Sprachatlas, Vorarlberger Sprachatlas и Sprachatlas von Bayrisch-Schwaben [5,133-260].

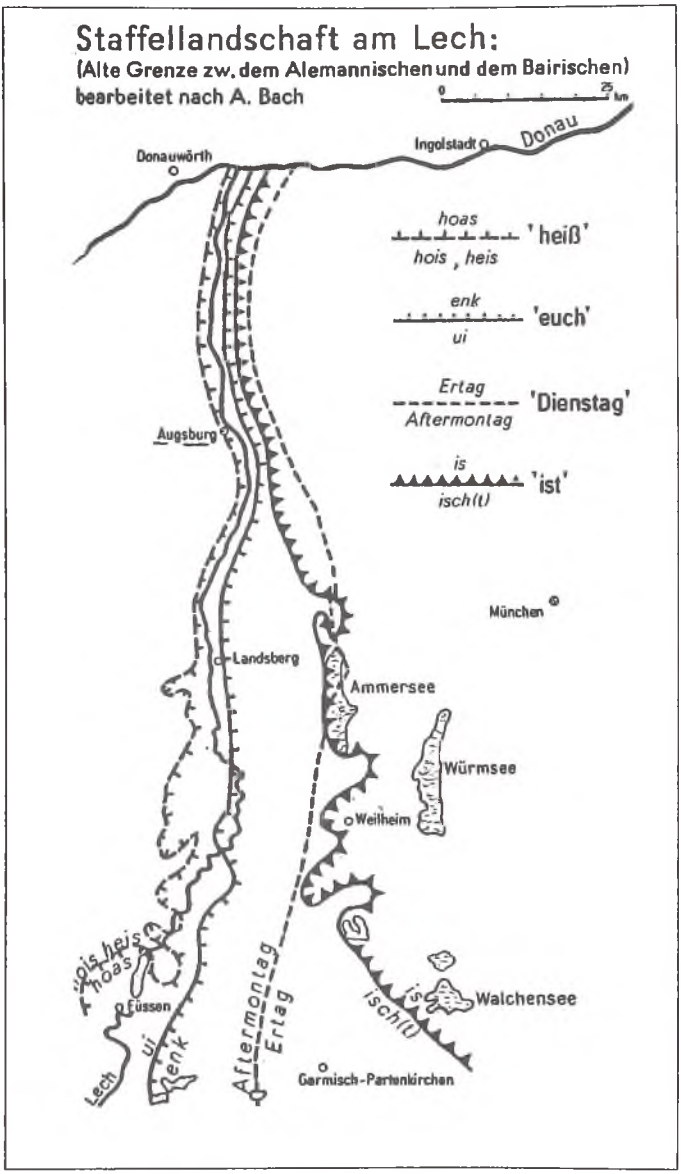

Рис. 1. *Изоглоссы алеманско-баварского пограничья по р. Лех*

Рис. 2. *Изоглоссы «линии Шварцвальда»*

На рубеже XV века, опираясь на *Historische Südwestdeutsche Sprachatlas* (HSS), можно выделить *трехчастную* систему алеманских диалектов: 1) верхнерейнский, 2) швабский, 3) южноалеманский [6, 838-839], но объединение верхнерейнского и швабского в древнейший «северноалеманский» континуум спорно [7, 483]. Если применить критерий «инновативности», то можно предположить исходное *двухчастное* диалектное деление: 1) *верхнерейнский;* 2/3) *староалеманский.* Речь идет в первом случае о раннем (XI в.) оформлении инноваций верхнерейнского под влиянием естественно-географического обособления (т.н. Schwarzwald-Schranke) и перманентной длительной франкизации, во втором – об активных швабских инновациях на фоне слабой франкизации, значительного баварского влияния и культурно-политических факторов позднего происхождения (XII-XIII вв.) [4, 546-547]. Несмотря на извилистую конфигурацию изолинии «рубежа Шварцвальда» имеют высокую плотность (рис. 2).

В период раннего средневековья членение алеманского было двухчастным – западный / восточный, а трехчастность обозначается к исходу средневековья (с XIV в. с выделением швабского). Таким образом, средневековый «южноалеманский» обособляется как зона староалеманских реликтов. Переходной зоной, с точки зрения реликтовости, является также южно-верхнерейнский субдиалект (регион Зундгау в южном Эльзасе и Бадене). Дальнейшая перестройка системы диалектного членения во многом осуществилась за счет многочисленных инноваций «молодого» швабского ареала (особенно в сфере ударного вокализма, в первую очередь на основе развития рнвн. дифтонгизации), «оторвавшегося» от южноалеманского в период XIV-XVII вв., и усиления доминанты «*север – юг*». Обособленность севера южноалеманской области и «проницаемость» Sundgau – Bodensee-Schranke были исторически относительны, а самая южная граница всей диалектной области оформилась лишь на исходе позднего средневековья (экспансия германошвейцарцев в романские области).

В исследованиях по рнвн. языку, акцентирующих взаимодействие письменных / субстандартных языковых форм, традиционно двухчастное членение юго-западного диалектного ареала на алеманский (с двумя субареалами) и швабский. Иногда выделяется южно-франкский, т.е. доля «алеманского» несколько уменьшается [8, 29]. Авто-

ры «Grammatik des Frühneuhochdeutschen»[2] сохраняют традиционную диатопию говоров, отмечая, однако, значительную историческую диалектную негомогенность юго-запада, особенно нижнеалеманского субареала. С некоторыми модификациями выделяются: швабский (также восточно-швабский / аугсбургский), нижнеалеманский (также эльзасский / восточно-нижнеалеманский / базельский) и верхнеалеманский (иногда вычленяется восточно-верхнеалеманский). Авторы «Frühneuhochdeutsche Grammatik» детализируют данное членение с указанием городских центров рнвн. субдиалектов: 1. **алеманский**: 1.1. верхнеалеманский: 1.1.1. западно-верхнеалеманский (Базель, Берн), 1.1.2. восточно-верхнеалеманский (Сент Галлен, Цюрих, Люцерн); 1.2. нижнеалеманский: 1.2.1. эльзасский (Страсбург, Шлетштадт), 1.2.2. восточно-нижнеалеманский (Констанц, Фрейбург); 2. **швабский**: 2.1. центрально-швабский (Эслинген, Штутгарт, Тюбинген, Ульм), 2.2. восточно-швабский (Аугсбург); 3. **южно-франкский** (Пфорцгейм, Гейльбронн, Швабский Галль) [9, 12].

Наличие межареальной общности отдельных структурных процессов на диахронической оси предполагает корректировку этой диатопии. Например, хотя алеманский субстрат в южно-франкской зоне не первичен, выделение ее как старой контактной области «южнофранкской» в составе позднесредневекового юго-запада, при всей условности границ ареала (особенно на северном участке) закономерно. Восточно-верхнеалеманский иногда объединяется также с частью западно-баварского субареала в «южно-верхненемецкий континуум» [9, 5-6]. В историко-диалектологических исследованиях для юго-запада предлагается следующая комбинация изоглосс: рнвн. дифтонгизация, монофтонгизация, расширение кратких свн. гласных, как важнейшие структурные новации [10, 6]. (рис. 3) При этом на карте ареала намечаются три региона: **a** (зона без инноваций), **b** (зона с частичным расширением кратких гласных) и **c** (зона активных новаций), конфигурация которых частично, за исключением Верхнего Дуная, подтверждает принятую ареальную диатопию.

---

[2]Grammatik des Frühneuhochdeutschen. Beiträge zur Laut- und Formenlehre / Hrsg. von H.Moser, K.O.Sauerbeck, H.Stopp u.a. – Heidelberg: Winter, 1970-1988.

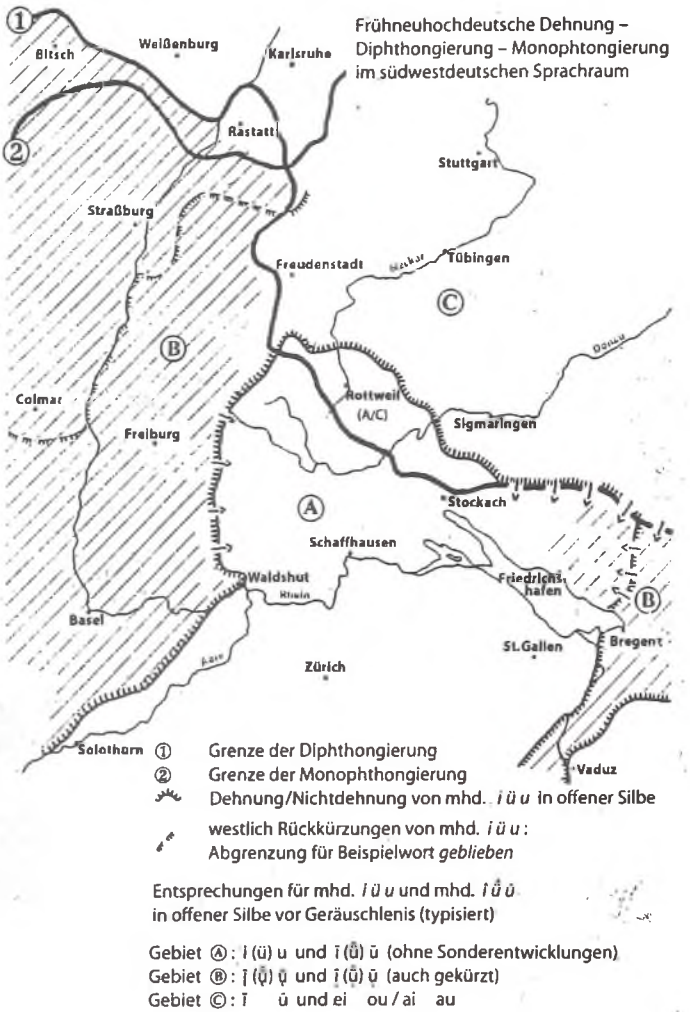

Рис. 3. *Комбинация изоглосс юго-западного ареала*

Рис. 4. *«Ступенчатый» рейнский ландшафт*

С точки зрения внешней динамики алеманский юго-запад традиционно определяется как **пассивный** диалектный ареал, как «зона покоя» по отношению к соседним ареалам. Он не принял активного участия в так называемой «восточной экспансии» и не подвергся значительной трансформации под воздействием внешних факторов. Нередко определение крайнего юго-запада (швейцарский) как маргинальной зоны, но отсутствие динамизма ареала признается не всеми исследователями. «Языковые движения» из алеманского, хотя и немногочисленные, но отмечаются в рейнско-франкской зоне уже в - период зрелого средневековья, способствуя образованию характерного «ступенчатого ландшафта» в южной его части как результата «языкового перекрытия» (см. специфические горизонтальные изоглоссы на рис. 4).

Т.Фрингс оспаривал тезис о пассивности алеманского, констатируя смещение границы нижнеалеманского на север. В конце XV и до середины XVI века диалектная граница также заметно продвигается в ретороманскую зону в направлении юго-восток / юг: Форарльберг – Верхний Рейн – Кур (в конце XV века это швейцарская «союзная территория» Граубюнден) [11,1762]. А.Бах отмечал: «Под «остаточными» областями не следует понимать ... нечто неполноценное. Скорее в устойчивости «остаточных» областей проявляется их внутренняя сила, самостоятельность и независимость» [12,181]. Об исторической устойчивости алеманского свидетельствует периферийная асимметричность в отношении основного ареала широты переходных зон (франко-алеманской, баваро-алеманской) и характерный окруженный «островками» верхнеалеманский «клин», запечатлевший вторжение в романо-язычную зону на юге, завершившееся в XV в. (рис. 5).

Реконструкция «промежуточных слоев» функциональной парадигмы языка юго-запада (городские полудиалекты, интердиалекты, обиходно-разговорные формы как обобщенные типы устной речи), формирующихся к XV-XVI вв., гипотетична. Их специфика связана как с сельскими диалектами, так и со взаимодействием с местным ТВЛЯ и базировалась на городских койне, поскольку юго-запад характеризовался активным развитием городов, где складывались новые типы коммуникативных сообществ. Культурно-политическая ориентация и традиции городских центров активно влияли на язы-

ковую ситуацию в ареале. Не случайно в этой связи определение рнвн. языка как "Städtedeutsch" [13, 956]. Для рнвн. городских койне были характерны примат социо-территориальной и профессиональной дифференциаций / маркированности, интеграция идиолектов мигрантов, активное воздействие письменно-литературных форм. Их определяют по сравнению с сельскими говорами как «центры модернизаций» в развитии диалектов и письменно-литературных форм, как центры метаязыковых оценок. При этом городские полудиалекты отрывались от «базового говора» местности: именно «обиходно-разговорный язык бюргерства» (полудиалект среднего/верхнего слоев горожан) оказал влияние на становление письменно-литературного языка [14, 26-27]. Как «гнезда» языковых новаций полисы юго-запада осуществляли излучения на пригороды в характерной для региона агломерации, а некоторые, в первую очередь крупные города, ориентировались на широкие инорегиональные связи.

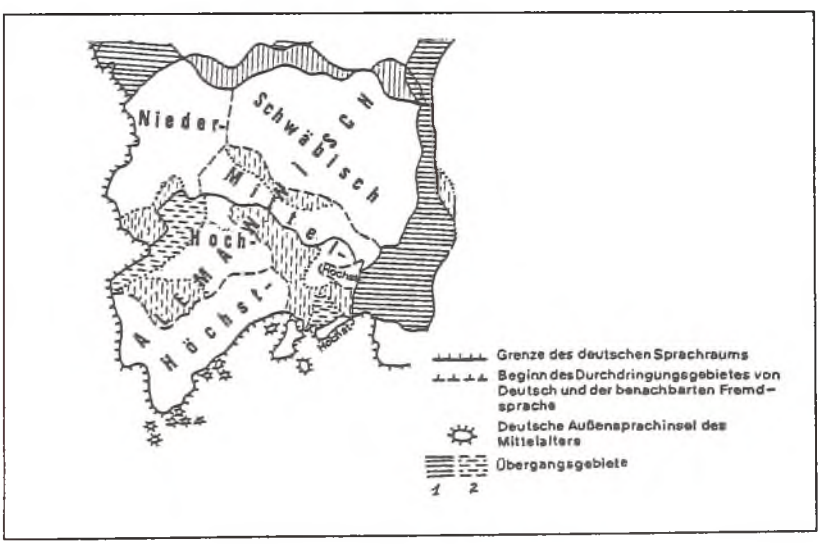

Рис. 5. *Членение юго-западной диалектной зоны*

В швабском субареале исторически была характерна двуслойность среднего уровня функциональной парадигмы: а) городские полудиалекты, б) областные обиходно-разговорные койне, отличающиеся наличием вторичных признаков швабского говора, убыванием их от а) к б) [15, 88-90]. Типичным полудиалектом являлся штутгартский, над которым возвышалось областное койне Вюртемберга («общешвабский»), а для всего субареала сложилась ступенчатая стратификация последовательного перехода в шкале субстандартных форм, не разрывая сельские/городские диалекты. Отмечается активность полудиалекта Штутгарта вместе с политической кристаллизацией Вюртемберга, консолидацией среднего класса горожан на базе смешения и выравнивания высших/низших языковых форм [4, 546]. К.Хааг предложил пространственную структуру центрально-швабского в границах Вюртемберга, где очевидна центрическая, ареалообразующая структура ведущего говора на базе столицы – Штутгарта и княжеских полисов (Урах, Тюбинген), а южная граница очерчена цепочкой имперских центров (Роттвейль – Ванген) [16,13]. (рис. 6)

В общем виде «швабская модель» может быть представлена как развивающееся отношение: Zentralort – Großgruppenumgangssprache с доминантой фактора ориентации на письменно-литературный язык или на «узус образованных» (Honoratiorenschwdbisch), ослаблением "dörfliche Mundart". При этом вся парадигма субстандартных языковых страт выглядит как трехчастная: Dialekte / provinzielle Umgangssprachen / Württembergische Umgangssprache [17, 382-383].

Особенности имела и ситуация в пограничном к баварскому восточно-швабском субареале. По мнению М.М.Гухман, полудиалект его центра – имперского Аугсбурга, крупнейшего торгово-финансового центра юга, но ориентированного на интересы Габсбургов, уже в период зрелого средневековья характеризовался сочетанием алеманских и баварских черт, открытостью к юго-восточным влияниям [18, 54-55]. Аналогичной была ситуация в Ульме и в соседних имперских придунайских городах.

Полудиалекты переднеавстрийских городов Оберланда отличались большей социальной маркированностью по отношению к сельским говорам (ср. традиционное у современных австрийцев обозначение городского говора как «höfisch, herrisch», ассоциирующееся со старофеодальной иерархией). Крупнейший из переднеавстрийских полисов Фрейбург (Брейсгау), который был связан с соседним Виллингеном, был, однако, консервативен до конца XV века в отношении языкового влияния юго-восточных метрополий [19, 51-52].

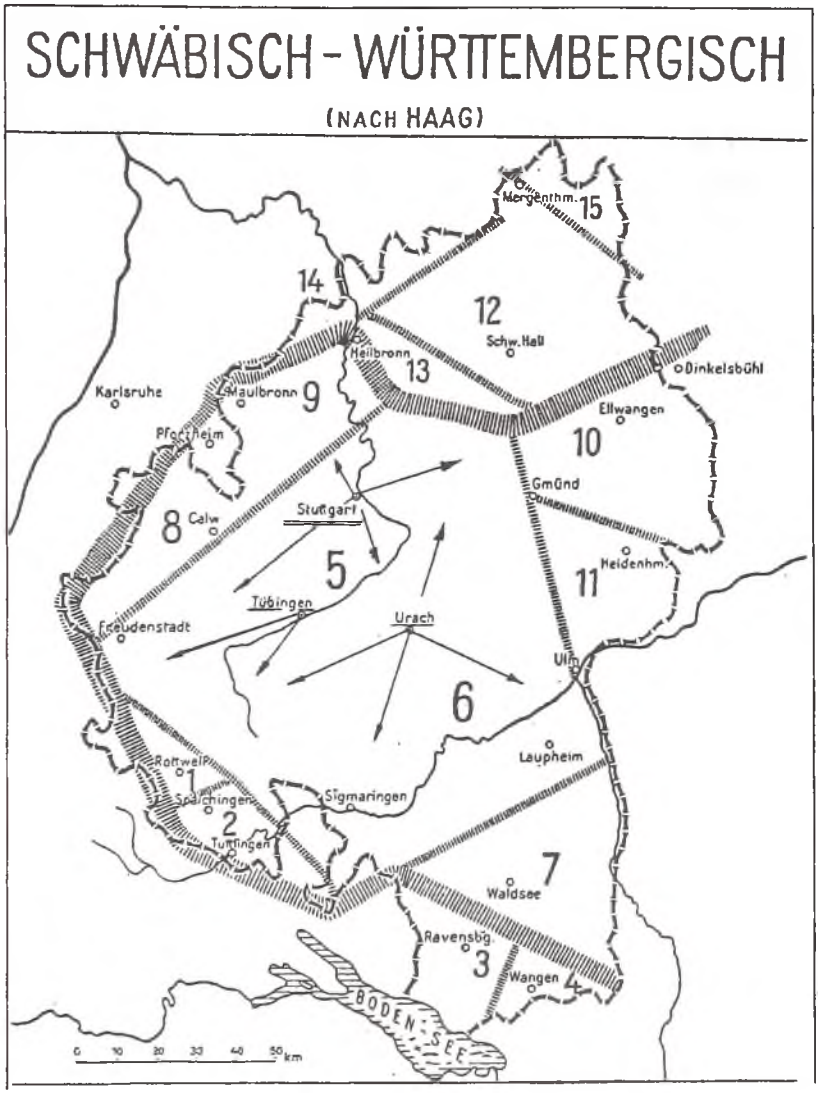

Рис. 6. *Ареальная структура швабско-вюртембергской области*

Для диалектного ландшафта Эльзаса ареалообразующая роль городов (в первую очередь Страсбурга, Кольмара и Мюльгаузена) сочеталась с наличием крупных уникальных устойчивых реликтовых сельских говоров как следов древнейшей франкизации. Ф.Маурер отмечал традиционную роль верхнерейнских городов Эльзаса в трансферте инорегионального (франкского) влияния в субареале [20, 284].

Для децентрализованной Швейцарии языковая роль городов, в основном небольших, также была своеобразной. Койне швейцарских полисов отличались большей близостью к местной диалектной основе, по крайней мере, до начала XVII в. Но в отличие от Вюртемберга, некоторые даже крупные города конфедерации оказывали слабое влияние на округу. Например, Базель, окруженный австрийскими владениями, а также Сент Галлен, стиснутый церковными доменами, имели политико-экономически слабое собственное предместье. Базель выступал, в основном, как «старый посредник» франкского влияния по оси «север – юг», сложившегося еще в период его исконной принадлежности к Эльзасу. Тем не менее, швейцарские города активно влияли на субареальное членение южноалеманского по линии «запад – восток»: Базель/Берн – Цюрих/Сент Галлен, что в определенной мере повторяет контуры политического членения «союза десяти кантонов» на «бернскую» и «цюрихскую» зоны [7, 485]. (рис. 7)

Исследователи констатируют слабое социальное расслоение городских диалектов Швейцарии, которые имели «общегородской» характер, а также в дальнейшем их бульшую рецептивность в отношении общенемецких письменно-литературных форм (в особенности с XVII в.) [21,14]. В целом, все городские полудиалекты юго-запада имели особую и четко выраженную социальную маркированность, и отмечается активное формирование именно в этих городах основных урбанистических рнвн. социолектов, в частности купеческого, печатников, военных наемников [12, 156, 188].

Верхний уровень функциональной парадигмы занимал ТВЛЯ юго-запада. Функциональная позиция его как литературного идиома была достаточно ограниченной: письменная коммуникация в

сферах литературы (в широком смысле), делопроизводства, религии и отчасти науки, имела тенденцию к расширению / усилению (особенно с 1520-30-х гг.) воздействия узусов соседних ТВЛЯ, особенно юго-восточного, что формировало ситуацию региональной письменной диглоссии. Латинско-немецкое письменно-литературное двуязычие имело в регионе дополнительные стимулы в связи с активным развитием гуманизма [1, 58-62].

С. Зондерэггер констатировал, что для алеманского ареала к XIV веку установилось свое характерное соотношение диалектов и письменно-литературного языка: „Damit begann in frühneuhochdeutscher Zeit jener für das Alemannische typische Gegensatz zwischen innovierender Schriftsprache und beharrender Mundart wirksam zu werden» [22, 1531]. Поэтому можно предположить, что историческое формирование отношений «неконтактной» диглоссии, в первую очередь на крайнем юго-западе (Швейцария), осложнялось необходимостью преодоления дополнительного структурного барьера, особенно с конца XVI века, между утверждавшимися общенемецким письменно-литературным языком, рефлексами «отступающего» юго-западного ТВЛЯ и престижными местными субстандартными формами [22, 1400]. Для швабского субареала сложилось более тесное контактирование и взаимовлияние формирующегося общенемецкого письменно-литературного языка и субстандартных форм.

Проблематичным остается вопрос о существовании и гипостазировании **устной (разговорной) формы** юго-западного ТВЛЯ как следствия расширения его социальной основы и демократизации, степени его обособления от «диалектной базы». Традиция устной презентации канцелярских документов, художественных («коллективное чтение» и поэзия) и некоторых религиозных текстов (проповедь), с одной стороны, а также практики записи/стилизации живой речи (урбарии, судебные протоколы, сценарии народной драмы, фольклорные сочинения) – с другой, позволяет говорить о существовании коммуникативно более широкого, чем ТВЛЯ, феномена «письменного языка», что требует, однако, специального изучения.

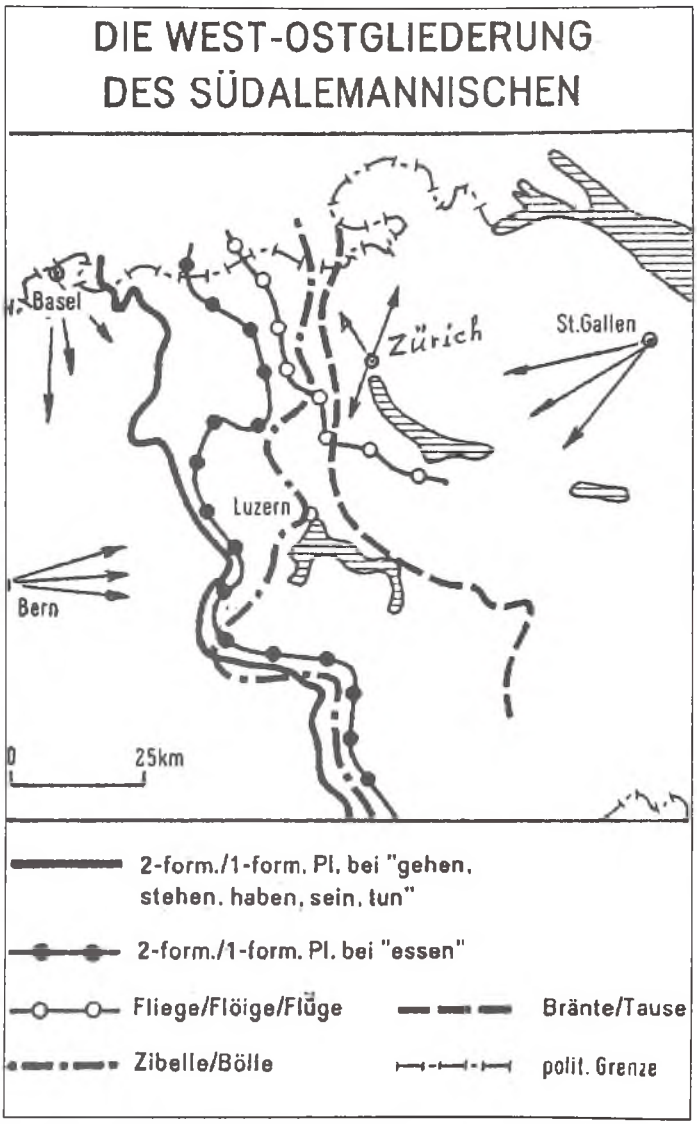

Рис. 7. *Вертикальное членение южно-алеманской зоны*

Библиографический список

1. Дубинин, С.И. Немецкий литературный язык позднего средневековья: юго-западный ареал [Текст] / С.И. Дубинин. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000.

2. Семенюк, Н.Н. О реконструкции функциональных парадигм в истории немецкого языка (XIII – XV вв.) [Текст] /Н.Н. Семенюк // Функциональная стратификация языка / под ред. М.М. Гухман. – М.: Наука, 1985.

3. Wiesinger, P. Die Einteilung der deutschen Dialekte [Текст] / P. Wiesinger // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung / Hrsg. von W. Besch u.a. – Berlin; N.York: De Gruyter, 1983. – 2 Halbband.

4. Жирмунский, В.М. Немецкая диалектология [Текст] / В.М. Жирмунский. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

5. Sprachatlanten des Deutschen. Laufende Projekte / Hrsg. von W. Veith u.a. Tübingen: Niemeyer, 1989.

6. Kleiber, W. Der Historische Südwestdeutsche Sprachatlas in sprachhistorischer Perspektive // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W.Besch u.a. Berlin – N.York: De Gruyter. 1984. – 1 Halbband.

7. Kleiber, W. Westoberdeutsch // Lexikon germanistischer Linguistik / Hrsg. von H.P. Althaus u.a. – 2. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 1980.

8. Stopp, H. Schreibsprachwandel. Zur großräumigen Untersuchung frühneuhochdeutscher Schriftlichkeit. – München: Vögel, 1976.

9. Frühneuhochdeutsche Grammatik / Hrsg. von R.P. Ebert, O.Reichmann, H.J.Solms und K.P.Wegera. Tübingen: Niemeyer, 1993.

10. Seidelmann E. Frühneuhochdeutsche Dehnung und die Folgen // Probleme der oberdeutschen Dialektologie und Namenkunde / Hrsg. von P.Wiesinger u.a. Wien: Praesens, 1999.

11. Wegstein W. Die sprachgeographische Gliederung des Deutschen in historischer Sicht // Deutsche Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W.Besch u.a. – Berlin; N.York: De Gruyter, 1985. – 2 Halbband.

12. Бах, А. История немецкого языка [Текст] / А. Бах; пер. Н.Н.Семенюк. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.

13. Schirokauer, A. Frühneuhochdeutsch // Deutsche Philologie im Aufriß / Hrsg. von W.Stammler. – 2. Aufl. – Berlin; München: Schmidt, 1957. – Bd. 1.

14. Moser, H. Studien zu Raum - und Sozialformen der deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. Kleine Schriften. – Berlin: Schmidt, 1979.

15. Миронов, С.А. Полудиалект и обиходно-разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи [Текст] / С.А. Миронов // Типы наддиалектных форм языка / под ред. М.М.Гухман. – М.: Наука, 1981.

16. Haag, K. Die Grenzen des Schwäbischen in Württemberg. – Stuttgart: Wiss. Verlagsgesellschaft, 1946.

17. Bichel, U. Umgangssprache: areale und diachronische Aspekte // Lexikon der germanistischen Linguistik / Hrsg. von H.P.Althaus. – Tübingen, 1980.

18. Гухман, М.М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку [Текст] / М.М. Гухман. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т.2.

19. Haffner, O. Anfänge der neuhochdeutschen Schriftsprache zu Freiburg im Breisgau. – Freiburg: Universität, 1904.

20. Oberrheiner, Schwaben, Südalemannen. Räume und Kräfte im geschichtlichen Aufbau des deutschen Südwestens / Hrsg. von Fr.Maurer. – Straßburg: Hünenburg, 1942.

21. Baumgarten, H. Stadtmundart. Stadt und Landmundart. Beiträge zur bernischen Mundartgeographie. – Bern: Lang, 1940.

22.Sonderegger, St. Leistung und Aufgaben der Dialektologie im Rahmen der Sprachgeschichtsschreibung des Deutschen // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung / Hrsg. von W. Besch u.a. – Berlin; N.York: De Gruyter, 1983. – 2 Halbband.

Almut König*
Universität Würzburg

Schimpfen und Zanken in Unterfranken: Selbst- und Fremdbezeichnungen

Альмут Кёниг

Сниженная лексика в нижне-франконском диалекте: обозначения «свой» и «чужой»

В статье систематизируется и изучается функционирование пейоративной лексики, используемой для обозначения «своих» / «чужих» в нижне-франкском диалекте современного немецкого языка по данным обширного исследовательского проекта института немецкого языка университета г. Вюрцбурга / ФРГ (http://www.uni-wuerzburg.de/germanistik/spr/suf/index. htm).

* © König Almut, 2005.